

Парахневич Елена Валерьевна

ассистент кафедры журналистики
Волгоградского государственного университета
dom-hors@mail.ru

**АКСИОСФЕРА ЖУРНАЛА «ПУТЬ»:
КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ
РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ**

Аннотация:

В статье рассматривается религиозно-философский журнал «Путь» (1925–1940) как выразитель аксиологических координат русской эмиграции. В переломную эпоху, характеризующуюся последовательным разрушением традиционных ценностей, журнал поставил перед собой задачу сформировать в социокультурной среде русского зарубежья новую шкалу духовных ценностей, восходящих к культурным концептам. В аксиосфере издания выделяются суперморальные, моральные, утилитарные и субутилитарные ценности, и делается вывод о причинах и мотивах обращения журнала к сфере религии.

Ключевые слова:

аксиосфера, русское зарубежье, культурные ценности, религиозно-философский журнал.

Parakhnevich Elena Valeryevna

Teaching assistant of the Journalism Department,
Volgograd State University
dom-hors@mail.ru

**AXIOLOGICAL SPHERE OF
THE JOURNAL 'PUT': CULTURAL
VALUES OF THE RUSSIAN EMIGRANTS**

Summary:

The article deals with the theo-philosophic journal 'Put' (1925–1940) as a mouthpiece of axiological dimension for the Russian emigrants. During the period of changes, when traditional values were being destroyed consistently, the journal set a task to create in the sociocultural environment a new scale of the spiritual values ascending to the cultural concepts. The author distinguishes super-moral, moral, utilitarian and sub-utilitarian values in the axiological sphere of the periodical and considers reasons and motives of reference to the sphere of religion by the journal.

Keywords:

axiological sphere, Russian emigrants, cultural values, theo-philosophic journal.

Журнал «Путь» (1925–1940), позиционируя себя как «орган русской религиозной мысли», фактически аккумулировал духовное бытие эмиграции, и потому должен был поддерживать конгруэнтность и суггестивность медиадискурса для погруженного в соответствующую семиосферу читателя. Поставив перед собой задачу сохранения культурного наследия России, автоматически он стал транслировать и ее ценности, поскольку одна из функций культуры – установление и поддержание системы ценностей, выступающих в роли социальных маркеров, определяющих социокультурные установки человека.

Религиозно-философский дискурс журнала представляет собой систему знаков, отражающих субъективно окрашенную действительность, для интерпретации которой необходим культурный код, в качестве которого выступает система культурных ценностей, общая как для автора, так и читателя. Специфика журнала «Путь» заключается в том, что это религиозно-философское издание, а религия по своей сути представляет собой ценностную систему, обуславливающую цели и способы развития общества, следовательно, религиозная философия, унаследовавшая традиции «чистой» религии, «есть выражение внекультовой религиозной деятельности, опосредованно, через религиозное сознание, влияющей на культурную деятельность, религиозные отношения и организации, развивающей и часто изменяющей их» [1, с. 37].

Таким образом, журнал проповедовал ценности прежде всего религиозные, православные, которые в некоторой степени претерпевали трансформацию под влиянием философии.

Исследователи отмечают, что «ценностная иерархия в христианстве христоцентрична. Акцент во взаимоотношении личности, общества и культуры смещен на нравственную культуру, которая гармонизирует отношения личности и общества. Структура христианских ценностей ориентирует человека на активное отношение к природе. Природный мир оценивается ниже человеческого» [2, с. 34].

Один из авторитетных исследователей дискурса В.И. Карасик видит специфику религиозного дискурса в открытости утверждения ценностей, в форме иносказания или притчи, а также непосредственно в повествовании, когда фактором убеждения является логика сюжета, в то время как в других типах институционального общения они могут быть скрытыми, подразумеваемыми и выводимыми [3, с. 322], а также разделяет религиозные ценности и нормы поведения на четыре группы, которые мы проиллюстрируем примерами из религиозно-философского дискурса журнала «Путь».

Суперморальные ценности – краеугольные библейские догматы, которые определяют поведение человека по отношению к Богу. В их числе догмат о грехопадении, догмат об Иску-

лении человечества от греха, догмат о Втором Пришествии Спасителя и Страшном суде, догмат об иконопочитании, Догмат о всеобщем воскресении людей и будущей жизни и т.д. По трактовке журнала «Путь», «догмат есть нравственная максима, следуя которой человек совершенствуется и в пределе спасается» [4, с. 157], однако в целом «Путь» как печатный орган, представляющий так называемую «модернистскую» ветвь православия, иногда позволял себе несколько вольные трактовки догматов.

Так, учение С. Булгакова о Софии как об усии, Божественной природе, не согласовалось с догматом о Пресвятой Троице, согласно которому в Боге имеется ровно три ипостаси: Отец, Сын и Святой Дух, что автоматически повлекло за собой догматический запрет на ипостасное бытие Софии и официальное обвинение мыслителя в ереси.

С другой стороны, в религиозно-философском дискурсе журнала церковные догматы и таинства определяются как краеугольные камни, на которых покоится церковь и вместе с ней религиозное и духовное сознание общества. Например, Ф. Степун обрушивается с резкой критикой на идеи «религиозного социализма» – молодого религиозно-политического течения Германии, которые, по его мнению, приравнивало «христианский догмат по своему значению... к рабству и священной проституции» [5, с. 34].

Моральные религиозные ценности определяют совокупность норм поведения, регулирующих отношения между людьми. Наиболее высокую степень репрезентации в дискурсе журнала получила заповедь о любви к ближнему, что наверняка явилось отголоском идей христианского социализма, пропагандируемых основными авторами журнала в начале XX в. Н. Алексеев, в частности утверждал, что «современная экономическая система должна быть отвергнута из соображений чисто догматических, так как она противоречит нормам христианской морали, достоинству человеческой личности и заповеди любви к ближнему» [6, с. 37]. Эту же мысль развивал и С. Булгаков: «...я высказал, что для такового осуждения социализма вообще, как известной системы экономической и социальной политики, нет никакого основания ни в Евангелии, ни в православном предании. И даже наоборот, здесь мы находим заповедь социальной любви и справедливости, попечения о труждающихся и обремененных, о чем со всех спросится на Страшном Суде Христовом» [7, с. 93].

В современной науке общепринята точка зрения, что в религиозном дискурсе доминируют исключительно моральные и суперморальные ценности [8]. Тем не менее в дискурсе журнала «Путь» также репрезентированы *утилитарные* (устанавливающие ценности и нормы поведения человека по отношению к самому себе) и *субутилитарные* ценности, обосновывающие необходимые условия человеческого выживания, что выражено преимущественно в идеях аскетизма и жертвенности: «Аскетика, созданная святыми отцами, есть не что иное, как более подробное развитие заповедей Христовых применительно к требованиям человеческой природы» [9, с. 8]; «Однако для человека должно стать безусловной невозможностью мириться с христианскими разделениями, не болея ими и не ища их преодоления на путях веры, надежды и любви, для этого же надлежит в себе воспитывать своеобразный конфессиональный аскетизм, который состоит в том, чтобы не позволять себе мыслей и чувств, противящихся признанию христианства в «инославных», церковной любви к ним» [10, с. 11].

Именно с этой тенденцией связано то, что в религиозно-философском дискурсе журнала «Путь» уделяется большое внимание теме святоотеческой традиции – жизнеописаниям праведников, мучеников и старцев (в числе которых можно назвать архимандрита Паисия Величаковского, преподобного Нила Сорского или епископа Антония Флоренсова) как наиболее яркого воплощения общехристианского нравственного идеала. Аскетизм понимается авторами журнала прежде всего как образ жизни, сопровождаемый отказом от материальных благ ради достижения духовных ценностей, заключающихся в спасении души – причем не столько своей, своей чужой, так как выступает примером духовно-нравственного совершенствования. Так, Г. Федотов утверждает, что «изучение русской святости в ее истории и ее религиозной феноменологии является сейчас одной из насущных задач нашего христианского и национального возрождения. В русских святых мы чтим не только небесных покровителей святой и грешной России: в них мы ищем откровения нашего собственного духовного пути» [11, с. 27]. Автор «Святых Древней Руси» неоднократно подчеркивал важность исконных духовных идеалов православной Руси и их значение для современности.

Аскетизм на страницах журнала предстает прежде всего как образ жизни с отказом от материальных ценностей – в числе которых богатство и утоление любых плотских желаний – ради достижения ценностей духовных – любви, свободы и творчества, но прежде всего спасения души. Преодолевая эгоизм, гордость и духовные желания, человек может реализовать свою истинную, предначертанную сущность и достичь высшей реальности. Причем, в дискурсе «Пути» подчеркивается существующий диссонанс между жизнью аскетической, обращенной к ценностям духовным, и жизнью действительной, выстроенной на ценностях материальных: «Старая Московская Русь не смущалась пропастью между идеалами аскетическими и действи-

тельной жизнью: застенки и храм: пост и “посулы”, и доносы; христианское смирение и местничество, и обращение человека в кабанского “холопа”» [12, с. 55].

На страницах журнала выдвигается любопытное наблюдение, что именно статичность традиционной русской церкви и ее стремление к жертвенности стали причиной того, что она сдалась под натиском революции и политической власти большевиков: «Сила восточной церкви заключается более в мистическом созерцании, в аскетическом страдании и онтологическом углублении, чем в организованной работе, настойчивом миссионерстве и энергичной политике» [13, с. 102]. Пропагандируется идея, что характер русской нации сформирован именно православной церковью, что проявляется в демонстрации таких черт, как жертвенность или фатализм.

«Ценностный мир в сознании человека существует как определенная система положительных / негативных образов и идеальных конструктов» [14, с. 52], однако авторы журнала придерживались той позиции, что только трансляция традиционных религиозных ценностей может способствовать росту позитивных тенденций в культуре и, стало быть, в общественной жизни эмиграции, при этом оценочность носит стигмазирующий характер, что выражается в четкой градации «свой» (причем «свой» занимает иерархически более высокое положение) и «чужой», а также «навешивании ярлыков».

Эмиграцию «первой волны» можно назвать переломной эпохой, и религиозное сознание, выраженное в системе ценностных координат, неизбежно претерпевает трансформацию. Эта эпоха знаменуется, с одной стороны, информационной неустойчивостью, а с другой – возможной утратой культурной памяти и кризисом национального самосознания. В это время идет последовательное разрушение традиционных ценностей и замена их ценностями массовой культуры. И потому журнал «Путь» считал своей главной задачей преодолеть эту ситуацию, постепенно формируя в среде эмиграции новую шкалу духовных ценностей, восходящих к культурным концептам.

Обращение к сфере духовных ценностей было закономерным: религия – в частности, православие – представляла собой полностью готовый набор непреходящих и вневременных ценностей, как государственно-политических (власть, закон), или историко-культурных (место человека в мире и связь времен), так и персоналистских (личная самореализация) или социальных (отношения различных социальных слоев): «Ценности религиозного дискурса, благодаря отнесению к наиболее актуальным сторонам, объектам и субстанциям бытия, остаются неизменными и актуальными во всех социальных группах, общественных формациях и временных эпохах на протяжении более двух тысяч лет» [8, с. 142]. Кроме того, ценностные ориентации православия не были чем-то чуждым русскому национальному самосознанию, а потому не могли восприниматься как навязываемые извне, следовательно, так авторы «Пути» сознательно дистанцировались от дискурса революционной России, где искусственно «насаживались» новые ценности всеобщего равенства и диктатуры пролетариата, а место сакральных священных текстов занимали учения отцов революции [15].

Авторы журнала выступают не просто наблюдателями современной реальности. Они виртуализируют ее структуру, поскольку «ценностное отношение отличается от познания / освоения / понимания как такового именно установлением субъектно-объектного отношения» [16, с. 46]. Благодаря валюативно окрашенному восприятию авторы «Пути» создают свой абстрактный мир, основанный не на знаниях и фактах, а на представлениях о современной им реальности, а богословские и философские идеи и образы выступают репрезентантами актуальных событий.

Ссылки:

1. Лагунов А.А. Русская религиозная философия: божественное и человеческое. Ставрополь, 2007.
2. Кривых С.Е. Аксиология мировых религий: сравнительная типология ценностных структур: дис. ... канд. философ. наук. Армавир, 2009.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004.
4. Ильин В. Митрополит Антоний «Догмат искупления» // Путь. 1927. № 8. С. 156–157.
5. Степун Ф. Религиозный социализм и христианство // Путь. 1931. № 29. С. 20–48.
6. Алексеев Н. Христианство и социализм // Путь. 1931. № 28. С. 32–68.
7. Булгаков о. Сергей. Православие и социализм (письмо в редакцию) // Путь. 1930. № 20, февраль. С. 93–96.
8. См. подробнее: Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения). Волгоград, 2007.
9. Русский Инок. Духовная жизнь и хозяйство // Путь. 1931. № 28, июнь. С. 3–31.
10. Булгаков о. Сергей, Una Sancta. (Основание экуменизма) // Путь. 1938–39. № 58, ноябрь, декабрь, январь. С. 3–15.
11. Федотов Г.П. Святые Древней Руси: (X–XVII ст.). Paris, 1989.
12. Курдюмов, М. О христианском максимализме // Путь. 1931. № 29, август. С. 49–67.
13. Троицкий С. Das Notbuch der russischen Christenheit // Путь. 1931. № 27, апрель. С. 101–108.
14. Ерофеева И.В. Аксиология медиатекста в российской культуре (репрезентация ценностей в журналистике начала XXI века). Новосибирск, 2009.
15. См. подробнее: Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения). Волгоград, 2007.
16. Баева Л.В. Ценности изменяющегося мира: экзистенциальная аксиология истории. Астрахань, 2004.
17. Каган М.С. Философская теория ценности. СПб., 1999.

References:

1. Lagunov, AA 2007, *Russian religious philosophy: the divine and the human*, Stavropol.
2. Krivykh, SE 2009, *Axiology of the world's religions: a comparative typology of value structures*, PhD thesis, Armavir.
3. Karasik, VI 2004, *Linguistic Circle: personality, concepts, discourse*, Moscow.
4. Ilyin, V 1927, 'Metropolitan Anthony "The dogma of redemption"', *Path*, no. 8, pp. 156-157.
5. Stepun, F 1931, 'Religious socialism and Christianity', *Path*, no. 29, pp. 20-48.
6. Alekseev, N 1931, 'Christianity and socialism', *Path*, no. 28, pp. 32-68.
7. Bulgakov, Sergius 1930, 'Christianity and Socialism (letter to the editor)', *Path*, no. 20, February, pp. 93-96.
8. See more: Bobyreva, EV 2007, *Religious discourse: values, genres, strategies (based on the Orthodox Faith)*, Volgograd.
9. 'Russian monk. Spiritual Life and Services' 1931, *Path*, no. 28, June, pp. 3-31.
10. Bulgakov, Sergius 1938-39, 'Una Sancta. (The grounds of ecumenism)', *Path*, no. 58, November, December, January, pp. 3-15.
11. Fedotov, GP 1989, *Saints of Old Russia: (X-XVII)*, Paris.
12. Kurdyumov, M 1931, 'On Christian maximalism', *Path*, no. 29, August, pp. 49-67.
13. Troitskiy, S 1931, 'Das Notbuch der russischen Christenheit', *Path*, no. 27, April, pp. 101-108.
14. Erofeeva, IV 2009, *Axiology of media text in Russian culture (representation of values in journalism beginning of the XXI century)*, Novosibirsk.
15. See more: Bobyreva, EV 2007, *Religious discourse: values, genres, strategies (based on the Orthodox Faith)*, Volgograd.
16. Baev, LV 2004, *The values of a changing world: the existential axiology stories*, Astrakhan.
17. Kagan, MS 1999, *The philosophical theory of value*, St. Petersburg.